

Рагулина М. В. Хозяйственная аккультурация нижеилимских эвенков : земледельцы и охотники-оленоводы (XVIII — начало XX веков) / М. В. Рагулина // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 433—450. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-433-450.

Ragulina, M. V. (2020). Economic Acculturation of Lower Ilim Evenki: Farmers and Reindeer Breeders (XVIII — Early XX Centuries). *Nauchnyi dialog*, 1: 433-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-433-450. (In Russ.).



УДК 94(571.53)“17/19”+397.4(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-433-450

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ НИЖНЕИЛИМСКИХ ЭВЕНКОВ: ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ОХОТНИКИ-ОЛЕНЕВОДЫ (XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

© Рагулина Милана Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-4784-296, доктор географических наук, профессор кафедры географии, безопасности жизнедеятельности и методики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»; ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия), milanara@yandex.ru.

Рассматривается вопрос аккультурации аборигенного населения Сибири на примере Нижнеилимской группы эвенков. Изучается появление «ясачных деревень» как переходная стадия между кочевым природопользованием и крестьянским земледельческим хозяйством. Показано, что сокращение численности нижеилимских эвенков в значительной мере обусловлено их переходом в крестьянское сословие, который не был зафиксирован в документах. Уделено внимание воздействию природных и социокультурных условий на трансформации природопользования и образа жизни. Установлено, что факторы соседства и чересполосного проживания с русским населением способствовали заимствованию земледелия только в том случае, когда это позволяла природная среда и имелись сопутствующие обстоятельства, такие как потеря оленей, снижение экономического потенциала кочевого коллектива. Выявлено два основных типа хозяйственной аккультурации, обладающих устойчивостью и эффективностью. Аккультурация нижеилимских эвенков рассмотрена на основе архивных источников. Новизна работы состоит во введении в научный оборот документов, позволяющих реконструировать ход хозяйственных и социальных изменений — от традиционного промыслово-оленоводческого образа жизни к оседлости и перемене этнической самоидентификации. Отмечается, что внимание к смешанному эвенкийско-русскому населению со стороны исследователей 1920-х годов было связано с поиском теоретических позиций преобразования туземного хозяйства.

Ключевые слова: эвенки; тунгусы; оседлость; ясачные деревни; Нижнеилимская инородная управа; бродячие инородцы; кочевые инородцы; земледелие; оленеводство; идентичность.

1. Введение

Эвенки исследуемой территории относятся к Илимско-Ленскому земледельческому району, сложившемуся в XVII—XVIII веках. Бассейн Илима находится в пределах Ангарского поднятия Илимской равнины и западной оконечности Лено-Ангарского плато. Рельеф плоских междуречий сочетается с широкими речными долинами, где хорошо развиты высокие и средние террасы, на которых были устроены первые пашни.

Тайга из лиственницы и сосны, пихтовые и кедровые участки верховьев долин, речные долины, покрытые ерниками и разнотравьем, стали кормовыми ресурсами для промысловых животных, луга позволили разводить скот, а особенности микроклимата и почв долин крупных рек дали возможность развивать хлебопашество и огородничество. Температурные колебания, неравномерность осадков, краткость вегетационного и безморозного периодов обуславливают принадлежность района к зоне рискованного земледелия. Данный регион стал ареалом естественной аккультурации таежных охотников, поскольку природно-ресурсные условия являлись оптимальными для охотничьего промысла и рыболовства и при очаговом освоении позволяли развивать земледелие и скотоводство. Данные виды деятельности требовали разной степени адаптивной гибкости от этнолокальных групп региона, как следствие, складывались ситуации, в которых формировались новые социальные отношения. Реакция эвенков на появление и приумножение в крае земледельческого населения при всем многообразии локальных вариантов сводилась к двум стратегиям: насколько это возможно, избежать тесного контакта, отойдя в труднодоступные места, либо наладить отношения с новопоселенцами, заимствуя у них черты хозяйства и быта. Поскольку полная изоляция эвенков была невозможна, обе стратегии предполагали разную степень культурного взаимовлияния.

Аккультурация и ассимиляция подразумевают ситуацию культурного контакта [Ngo, 2008]. При аккультурации оба контактирующих сообщества заимствуют элементы культуры друг друга или одно из них заимствует элементы культуры другого сообщества, адаптируя свою экономическую, религиозную, бытовую сферу под общий культурный контекст. У большинства нижеилимских эвенков-земледельцев в XIX веке аккультурация представляла относительно плавный процесс заимствования и усвоения элементов русской культуры. В работе мы сосредоточились на экономической стороне аккультурации — изменении типа хозяйства от оленеводско-промыслового к земледельческо-скотоводческо-промысловому. Отметим, что при аккультурации этническая идентификация сохраняется, а для ассимиляции как завершающей стадии аккультурации характерны полнота

усвоения заимствованных элементов иной культуры и исчезновение прежних этнических характеристик. Основным признаком произошедшей ассимиляции является перемена этнической идентификации.

Подходы к определению идентичности аборигенного населения с момента появления русских в регионе и до первых советских преобразований значительно трансформировались. Общее между ними состоит в применении внешних категорий идентификации. В дореволюционное время при определении подходов этнической критерий был подчинен сословному и тесно связан с конфессиональным. Далее рассмотрим основные категории идентификации.

В XVII — начале XIX веков все коренные жители региона назывались ясачными и управлялись ясачными волостями. К обобщающей сословной категории ясачных добавлялся этнический (к примеру, *ясачные тунгусы*, *ясачные буряты*), иногда конфессиональный (*новокрещенные ясачные тунгусы*) и, в большинстве случаев, территориальный признак (*ясачные тунгусы Нижнеилимской ясачной волости*).

Устав об управлении инородцев, принятый в рамках Сибирской реформы 1822 года, определил новые категории сословной идентификации, а именно три разряда: «В первой разряд включаются оседлые, то есть живущие в городах и селениях; во второй кочевые, занимающие определенные места по временам года переменяемая; в третий бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам» [Полное собрание ..., 1830, с. 394]. Оседлые инородцы жили в городах и селениях, занимались земледелием и торговлей. Конфессиональный критерий имел определяющую роль в устранении официальных этнических различий: оседлые инородцы-христиане вообще не считаются инородцами, а нехристиане «для различия от прочих именуются оседлыми инородцами» [Там же, с. 396]. Кочевые инородцы в сословном отношении сближались с крестьянами, но управлялись по своим законам и обычаям, освобождались от рекрутской повинности. Они занимались земледелием, скотоводством и местными промыслами в границах выделенных наделов. В современной терминологии кочевым инородцам соответствует оседлое и полuosедлое население. Иная ситуация сложилась с разрядом бродячих инородцев: эти этнические и этнолокальные группы, занятые охотничьим промыслом и рыболовством, не имели постоянных жилищ, и администрация лишь приблизительно могла локализовать ареалы их проживания. Разряды инородцев, будучи сословными категориями внешней идентификации, представляя сплав конфессиональных, этнических и хозяйственных признаков, просуществовали до советских преобразований.

После революции внешним признаком равноправия населения стало упразднение сословий. Национальность в обязательном порядке присутствовала в официальных документах, а народы Севера и Сибири стали именоваться туземцами. Усиление этнического принципа идентификации выразилось в смене номенклатуры этнонимов. Эта работа проводилась Комитетом Севера с целью привести их в соответствие с преобладающим самоназванием. Тунгусы региона стали называться эвенками, хотя самоназвание большинства было *илэ* [Сирина и др., 2009, с. 3]. Преобладающим мотивом описания коренных народов того времени была экономическая и культурная отсталость, которая на длительное время определяла «оптику» исследований.

Приполярная перепись классифицировала эвенков по различию образа жизни и хозяйства на оседлых и кочевых. Поскольку их идентификация в период Российской Империи производилась на сословном основании, а в 1920-е годы по этнохозяйственному признаку, с учетом приведенных данных [Материалы Приполярной..., 1928] следует считать обоснованным соответствие дореволюционного разряда бродячих тунгусов группе кочевых эвенков, а разряда кочевых тунгусов группе оседлых эвенков. С учетом названных выше особенностей интерпретации источников решается проблема сопоставимости дореволюционных и послереволюционных данных.

Нижеилимские эвенки в XVIII—XIX веках считаются группой с высокой интенсивностью аккультурационных процессов [Курышов, 2017; Патканов, 1906; Туголуков, 1985; Ходукин, 2013; Шерстобоев, 1957]. Сокращение ареалов кочевания, падение продуктивности охоты, снижение поголовья оленей вели к аккультурации, этнической интеграции, и в итоге — ассимиляции эвенков русскими. Однако особенности и ход интеграции недостаточно изучены: при рассмотрении перехода эвенков к оседлости важны вопросы демографической динамики, специфики и продуктивности тунгусского земледелия, его регуляция властью и проблемы идентичности.

2. Аккультурация и хозяйство нижеилимских тунгусов

До Сибирской реформы тунгусы Нижнего Илима принадлежали к Нижеилимской ясачной волости. Как и остальные ясачные волости, она не имела четких границ, управлялась разрозненными указами и распоряжениями, важнейшие из которых — запрет закрепощения, освобождение от военной службы, соблюдение прав на промысловые угодья, решение земельных споров. Переписи коренного населения Илима в XVIII веке позволяют приблизительно реконструировать численность тунгусов. В Нижеилимской ясачной волости в 1719 году записано 59 тунгусов — платель-

щиков ясака (с учетом численности семьи из 4 человек приблизительно 240 тунгусов), в 1732 — 107, а в 1750 — 93 мужчины (соответственно 214 и 186 чел. обоего пола) [Шерстобоев, 1957, с. 609]. Для 1771 года известна только численность ясачных плательщиков — 38 трудоспособных мужчин в возрасте от 18 лет. С учетом коэффициента семейности численность группы остается на прежнем уровне и составляет 150—160 чел. [Там же, с. 613]. Эти оценки неточны, В. Н. Шерстобоев отмечает плохую сохранность документов и разночтения, содержащиеся в них, и все же эти сведения позволяют заключить, что во второй трети XVIII века численность эвенкийского населения медленно снижается.

После Сибирской реформы 1822 года Нижнеилимская ясачная волость была преобразована в Нижнеилимскую инородную управу. В 1830 году тунгусы управы насчитывали 374 чел., 1834 — 379 и 1838 — 409 чел. В 1861 году было уже 330 тунгусов, далее их число снизилось до 281 чел. в 1865 году и 274 — в 1897. Для сопоставления данных далее приведена численность мужчин-эвенков группы (рис. 1).

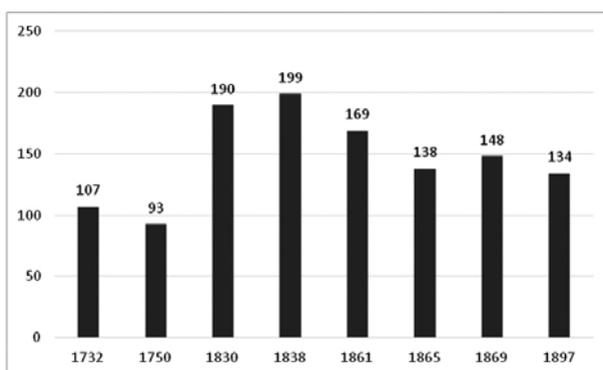


Рис. 1. Численность мужчин Нижнеилимской ясачной волости (с 1822 года — управы) в 1732—1897 годах, чел.

Составлено по данным: [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 70; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 5, л. 87; ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 42; Патканов, 1906, с. 109; Шерстобоев, 1957, с. 609—611].

Снижение численности эвенков к концу XIX века исследователи интерпретируют как «вымирание» [Курьшов, 2017; Патканов, 1906]. Внутренние факторы, которые нивелируются усредненной демографической динамикой, ставят этот вывод под сомнение, прежде всего по отношению к аккультурационным процессам.

Аккультурация эвенков Илимской группы началась с момента появления русских крестьян, в ней сочетались хозяйственные и конфессиональные факторы: «... в 1653 г. среди Илимских землепашцев не было ни одного туземца. В 1655 г. воеводой Оладыным построены в пашню под Верхоленинским острожком М. Г. Ханяпта и Ефимко Клементьев <...> все эти крестьяне <...> потеряли в своих именах признаки своего происхождения и единственным следом его осталось слово “новокрещенный”. Минует некоторое время, отпадет это слово, и тунгус или бурят затеряется среди русских крестьян» [Шерстобоев, 1949, с. 552]. Согласно переписи плательщиков ясака 1750 года, десятая часть эвенков Илимского уезда уже была крещена и жила в русских деревнях [Шерстобоев, 1957, с. 635]. В то же время группа около 200 чел. откочевала в тайгу, избежав учета и ясачного обложения [Шерстобоев, 1949, с. 541].

Большинство эвенков волости в то время были охотниками, оленеводами и рыбаками. Христианизация, сопряженная с разрывом родовых связей, вступлением в новую социальную среду, означала для ясачного «не перемену его заблуждений, а переход к новой хозяйственной деятельности <...> два пути открывала жизнь перед ясачным, когда он оказывался в среде русских: или превращение в хозяина-земледела, или уход в батраки» [Шерстобоев, 1957, с. 634].

Нижнеилимская Инородная управа отчитывалась в 1830 году о 26 мужских ревизских душах кочевых тунгусов, занимающихся хлебопашеством, при этом общее количество кочевых инородцев составляло 77 человек, а бродячих — 297. Кочевые были расселены в трех селениях и имели 10 деревянных домов [ГАИО, ф. 461, оп. 1., д. 1., л. 70, 94]. В отчете управы за 1838 год в графе «Занятие женщин» сказано: «Женщины во время упрощения хозяйствами их по лесу зверей бродячие обращаются при поставлении и устройстве юрты и гонением оленей с имуществом, когда переходят с одного на другое место, где под юрты разгребают снег, а в свободное время занимаются деланием звериных шкур, шитьем разного рода из онаго платья. Кочевые по домоводству исправляют все надобности, прядут и ткнут разное из сурового холсты по крестьянскому обыкновению, а летом помогают мужчинам с уборкою с полей хлеб и сenni, и в зимнее время вымолачиванием хлеба» [ГАИО, ф. 461, оп. 1., д. 5, л. 88].

Численность бродячего (охотничье-оленеводеческого) и кочевого (земледельческого) населения управы обнаруживает противоположную динамику: убывание первого сопровождается ростом второго. К 1926 году тунгусы-земледельцы «исчезают», вернее, учитываются как русские, что означает их полную ассимиляцию и перемену этнической идентичности (рис. 2).

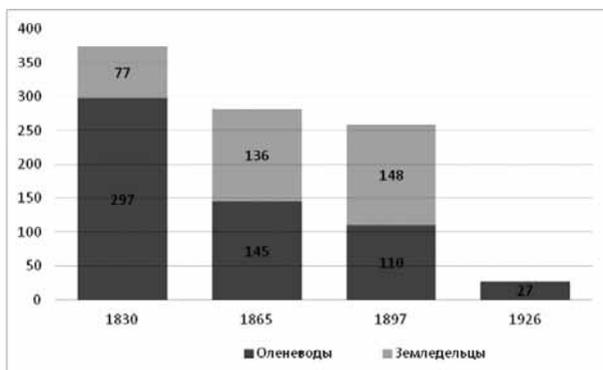


Рис. 2. Охотники-олeneводы и земледельцы в общей численности нижнеилимских эвенков, чел.

Составлено по данным: [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 70; ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 42; Материалы Приполярной ..., 1928, с. 28; Патканов, 1906, с. 109].

Вопрос о разрядах и категориях идентификации вызывает путаницу не только у современных исследователей: в отчете за 1865 год тунгусы, прежде называвшиеся кочевыми, именуются оседлыми [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 41—42]. Впоследствии ошибка устраняется, и оседлые инородцы снова признаются кочевыми. То кочевыми, то оседлыми называет одну и ту же группу нижнеилимских тунгусов Д. Д. Ларионов [Ларионов, 1870, с. 152]. Получается противоречие: земледельцы и скотоводы оседло живут в русских домах, крещены, но продолжают называться кочевыми. А. М. Курьшов задается вопросом, почему так происходит, и дает на него ответ: «... почему же они кочевые? Дело в том, что в отличие от своих соплеменников, живших охотой на копытных и пушным промыслом, “кочевые” тунгусы добывали исключительно пушного зверя, которого продавали или обменивали на необходимые вещи и продукты. Между сезонами “кочевые” тунгусы жили немного земледелием, немного скотоводством, нанимались в работники к русским крестьянам» [Курьшов, 2017, с. 703].

С данной позицией сложно согласиться: общая промыслово-земледельческая хозяйственная модель русского, аборигенного и смешанного населения таежной зоны Сибири к XIX веку, кроме пушного, во всех без исключения группах включала промысел копытных [Рагулина, 2009]. Скорее, дело в следовании Уставу об управлении инородцев и тех льготах (освобождение от рекрутской повинности, защита угодий, самоуправление и др.), которыми пользовались кочевые инородцы в отличие от оседлых.

С позиции обыденного здравого смысла современникам было трудно называть русифицированных тунгусов, которые давно прекратили переезжать с места на место, *кочевыми*, как того требовала система разрядов, отсюда и эпизодические ошибки. Таким образом, немаловажную роль в путанице категорий сыграло смысловое несоответствие оседлого образа жизни формальной принадлежности к разряду кочевых инородцев.

С точки зрения глубины аккультурации кочевых тунгусов интересен вопрос о ясачных деревнях — компактном, этнически однородном расселении эвенков, которые в культурном и хозяйственном отношении находятся на пороге перемены этнической самоидентификации. В 1830 году сообщается о трех селениях кочевых инородцев, где в 10 деревянных домах жили 77 чел. тунгусов [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 70]. В 1869 году в управе было уже 5 селений: в Нижнеилимском участке — Нижнеилимское и Романовское с численностью 22 ревизских души обоего пола, в Верхнеилимском — Селезневское и Коченское, 43 ревизских души, в Ангарском — с. Закурдаевское, также 43 (табл. 1).

Таблица 1

Селения нижнеилимских тунгусов в 1869—1926 годы

1869		1897		1926	
Селения	Тунгусов (чел.)	Селения	Тунгусов (чел.)	Селение, год основания	Русских (чел.)
Нижнеилимское	22	Жилищинский улус	6	д. Жилище, 1882	34
Романовское		д. Романова	13	с. Романово, 1627	499
Селезневское	43	Селезневский улус	—	д. Селезнева, 1675	139
Коченское		Коченский улус	61	Коченский улус, д. Ясачная, д. Тунгусская, 1723	123
Закурдаевское	43	Закурдаевский улус	71	д. Закурдаева, 1750	111
Итого, чел.	108		151		906

По материалам: [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 11, л. 39; Патканов, 1906, с. 109—110; Список населенных ..., 1929, с. 890, 993, 894].

По материалам Переписи 1897 года Коченский улус (на правом берегу р. Коченги, на собственных землях) содержал 13 тунгусских хозяйств

с 61 чел. в них; Закурдаевский улус, на левом берегу Ангары, на землях Карапчанской волости — 9 хозяйств с 80 членами, среди которых было 8 русских, 71 тунгус и 1 якут; Жилищинский улус, также расположенный на левом берегу Ангары в пределах Карапчанской волости, имел 2 двора и 22 чел. в них, 6 из которых были тунгусами, а 16 — русскими.

О переходе аккультурации в стадию ассимиляции свидетельствует то, что все тунгусское население этих улусов говорило только по-русски, занималось земледелием, независимо от моно- или полиэтничности среды. Согласно С. К. Патканову, кроме небольших внешних особенностей, тунгусы данных селений ничем не отличаются от русских, но «все они, однако, продолжают считаться по сословиям инородцами, и по национальности тунгусами, пока они не пожелают перечислиться в разряд крестьян или мещан — решительный шаг, при котором они окончательно порывают всякую связь с родным племенем. Такие случаи ныне происходят редко, потому что инородцы Сибири освобождены от воинской повинности и платят меньше подати (ясака) чем русские крестьяне <...> подобный переход для них в категорию крестьян не выгоден. Но в прежние времена подобные перечисления из бродячих и кочевых инородцев в оседлые, в крестьяне и мещане совершались во время производства ревизий и притом без согласия на то заинтересованных лиц» [Патканов, 1906, с. 79]. Это объясняет случаи «исчезновения» тунгусов, вернее, смену этнической идентичности на русскую, что рядом исследователей трактуется как «вымирание».

Тунгусские селения и улусы часто назывались ясачными деревнями. *Ясачная* — не только территориальная, но также и этнонимическая и социальная категория описания, которая несколько изменила смысл в течение XIX века. До реформы 1822 года ясачными назывались и волости, и проживающие в них народы — плательщики ясака. Далее ясачными стали называть селения полуседлых эвенков и бурят. В работах этнографов и землестроителей начала XX века, в архивных материалах Комитета Севера термин *ясачные* применяется только к аккультурированному и ассимилируемому населению. Понятие «ясачных» как официальная статистическая категория появляется в Сельскохозяйственной переписи 1917 году [Итоги предварительного ..., 1919]. Главные отличия ясачных — занятие земледелием и глубокая степень заимствования культуры и природопользования русских крестьян [Миротворцев, 2013].

Основным занятием тунгусов — жителей ясачных деревень — было подсечное земледелие. Трудоемкость, ограничения, связанные с рельефом, почвами, экономическими возможностями хозяйства, приводили к тому, что прирост пахотных земель был незначительным.

Считалось, что земледелие Киренского округа, куда административно относились нижеилимские тунгусы, из-за природных условий недостаточно развито. Поэтому распоряжением Начальника губернии в 1848 году были учреждены нормы обязательных расчисток земель из-под леса. В зависимости от достатка хозяйства они составляли от 1/2 десятины на работника до 1/8 десятины на семью [Ларионов, 1870, с. 17]. В русских волостях округа благодаря этой мере население перестало нуждаться в хлебе и получило возможность продавать его излишки. Тунгусов не принуждали к расчисткам, поэтому площадь их пашни увеличивалась медленно. В 1868 году у тунгусов Нижнеилимской управы была вымерена 101 десятина пахотной земли [Там же, с. 15].

Структура посевов учитывала суровые и многоснежные зимы, возможность раннеосенних и позднеосенних заморозков и была ориентирована на выращивание озимых, ржи и ячменя. Урожай, получаемый в нестабильных природно-климатических условиях, колебался в значительных пределах, что показывают данные 1830-х годов (рис. 3).

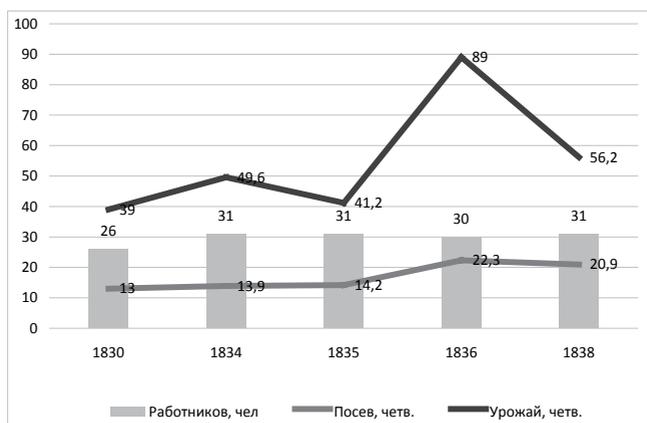


Рис. 3. Посев, урожай и количество работников-земледельцев среди нижеилимских эвенков в 1830-х годах

Составлено по материалам: [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 94; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 2, л. 143; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 3, л. 198; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 41, л. 237; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 5, л. 87].

Показателем продуктивности аборигенного земледелия служит удовлетворение потребностей в продовольствии. Администрация управы рассчитала норму потребления на душу населения в объеме 1 четверти озимо-

го, 1 четверти и 4 четверика ярового хлеба [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 42.]. За вычетом семенного материала в средний, не отличающийся экстремальными условиями 1865 год земледельцы обеспечили себя на 83 % приведенной нормы, что составило 18,7 пуда. Недостающий хлеб покупали у крестьян Нижнеилимской и Карапчанской русских волостей. В весовом эквиваленте рассчитанная управой норма равна приблизительно 22,5 пудам зерна. Для сравнения: в конце XIX века средняя обеспеченность крестьянских хозяйств Рязанской губернии в пересчете на рожь составила 18 пудов 33 фунта на душу. Это уровень минимального поддержания жизни населения, не позволяющий развивать земледелие. Оптимальная норма равна 20,5 пудам на человека и 7 для скота [Труды местных ..., 1904, с. 233]. С учетом того, что администрация Нижнеилимской управы при расчете норм исходила только из потребностей самих земледельцев и не учитывала скот, можно сделать вывод о сопоставимости показателей и более высокой продуктивности земледелия нижнеилимских эвенков. Отметим, что после Гражданской войны, в 1927 году специалисты Комитета Севера, планирующие централизованное снабжение тунгусов, у которых нет своего земледелия, исходили из нормы крупы и муки в 10 пудов на душу [ГАИО, ф. р-1461, оп. 1, д. 8, л. 23], что почти вдвое ниже количества зерна, самостоятельно выращенного нижнеилимскими эвенками-земледельцами.

Обеспеченность скотом семьи из 4 человек, по расчетам управы, должна составлять 5 голов крупного и мелкого рогатого скота и 6 оленей для разряда бродячих тунгусов [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 42]. Крупный рогатый и мелкий скот имелся исключительно у тунгусов из разряда кочевых (которые, как мы уже отмечали ранее, фактически были оседлыми земледельцами). Бродячие тунгусы (в послереволюционной терминологии — *кочевые*) не могли его содержать в условиях круглогодичного передвижения по тайге; корова и олень — непримиримые антиподы [Петри, 1930], не говоря уже о невозможности сочетания транспортного оленеводства и свиноводства. На каждое хозяйство в 1865 году в среднем приходилось крупного рогатого скота 2,4, мелкого — 3,7 голов [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 39, 42].

В 1867 году, по данным Д. Д. Ларионова, у русских крестьян Киренского округа Иркутской губернии на одно хозяйство было рогатого скота 2,5 головы, овец и свиней 3,25 голов; по всей Иркутской губернии — коров 2,25, мелкого скота, овец, свиней и коз 3,5. «Не много найдется европейско-русских губерний с такой обеспеченностью скотом», — заключает исследователь [Ларионов 1870, с. 123]. Следовательно, обеспеченность скотом в Нижнеилимской группе эвенков находится на достаточном уров-

не. Это в совокупности с достаточно результативным в существующих природных ограничениях земледелием создает картину успешности адаптации и аккультурационных заимствований в сфере хозяйства.

Несколько по-иному протекали адаптивные хозяйственные процессы у нижеилимских тунгусов, относившихся к разряду бродячих. Их отличала высокая миграционная активность: уход нижеилимских плательщиков ясака неоднократно отмечался с XVII века [Долгих, 1966]. Миграции было трудно отследить, поскольку администрация инородной управы имела приблизительные сведения о локализации таежных кочевников, но сведения о них в источниках имеются. В конце XIX века произошла миграция нижеилимских эвенков-оленоводов в Енисейскую губернию, где они, однако, по прибытии не были учтены [Патканов, 1906]. Приполярная перепись фиксирует переселение части нижеилимских эвенков в Туруханский край [Материалы Приполярной ..., 1928]. Группа, кочевавшая в районе р. Куты и р. Купы, в начале XX века ушла в долины р. Лена и р. Непа [Ходукин, 2013, с. 341].

Мобильность и эффективность охотничьего промысла зависела от количества транспортных оленей. В 1830 году на одно хозяйство приходилось 23,9 голов, что близко к границе оптимума для транспортного таежного оленеводства [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1. л. 95—96]. В 1865 году обеспеченность оленями упала до 7,4 голов на хозяйство [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 61, 39.], при этом с 1830 года численность бродячих тунгусов снизилась почти вдвое.

В это время возможно увеличение численности безоленной разорившейся группы тунгусов, которые готовы перейти к оседлости, что косвенно подтверждает отчет управы за 1865 год: «... Бродячие имеют одно только средство в улове разных зверей и малую часть в промысле рыбы, каковыми источниками уплачивают казенной подати и повинностей и удовлетворение собственных их нужд, однако же на исправление всех их в быту надобностей промыслов сих недостаточно, почему инородцы большею частью в долгу у крестьян и других сословий людей» [ГАИО, ф. 46, оп. 2, д. 7, л. 61]. Задолженность эвенков в сочетании с потерей оленей, снижением мобильности и ухудшением экономического положения является фактором вынужденной аккультурации. Напротив, оленные группы высокомобильны: к примеру, во время переписи 1897 года в Енисейском округе было зафиксировано 20 чел. нижеилимских тунгусов Иркутской губернии [Патканов, 1906, с. 161]. Передвижения охотников-оленоводов происходили внутри известных и устоявшихся ареалов с размытыми границами. Но экстремальные события — конфликты, ясачные поборы сверх

нормы, военные действия и кризисные факторы природного характера — могли вызывать уход эвенков с обжитых территорий в соседние регионы. В то же время обеспеченность оленями, мобильность, трудность локализации позволяют предположить высокую сохранность традиционного охотничье-оленоводческого типа хозяйства у эвенков, относившихся к разряду бродячих инородцев.

Таким образом, в течение рассмотренного периода хозяйственная аккультурация нижеилимских эвенков шла постоянно, что подтверждают демографическая и хозяйственная динамика населения, характеристики эффективности хлебопашества, распространение тунгусских ясачных и смешанных русско-тунгусских деревень.

3. Заключение

Рассмотренные особенности и характеристики хозяйства нижеилимских эвенков позволяют поставить под сомнение, по крайней мере, для данной группы, популярную в XIX веке парадигму «вымирания инородцев» и наследовавшую ее политизированную установку исследований первых лет советской власти на преувеличение социальных противоречий в регионе, а также хозяйственной и культурной отсталости коренных народов. Аккультурация и ассимиляция объясняют катастрофические, на первый взгляд, цифры демографической динамики эвенков не как следствие их депопуляции, а как результат смены этнической идентификации.

В 1920-х годах народы Сибири находились на пороге больших политических и хозяйственных перемен. В этой ситуации этнографы и географы не могли находиться в сфере чистой науки. Как отмечает А. А. Сирина, «осознавая возможные негативные последствия политического заказа на жизнь народов Севера <...> они искренне считали, что проведенные ими научные исследования пригодятся при выработке наиболее безболезненных преобразований» [Сирина, 2013, с. 38]. И в то же время акцентирование «эксплуататорской сущности» взаимоотношений между русскими и коренным населением, увлеченность марксистскими стадийными идеями развития побуждала представителей «государственной этнографии» к поиску сообществ, которые могли бы стать примером перехода к оседлости для кочевников. Под теоретическим углом зрения рассматривался опыт ясачных, позволяющий миновать стадию скотоводческого хозяйства и сразу перейти к земледелию [Миротворцев, 2013]. Пример оседлых эвенков деревни Ясачной привел к обобщающему теоретическому выводу о том, что переход тунгусов к оседлому образу жизни возможен без промежуточной — скотоводческой — формы хозяйства; что земледелие может стать

основной формой этого хозяйства, а исконный род занятий — охота, как и рыболовство, — подсобным промыслом [Ходукин, 2013].

Однако часто этнографы и географы имели в своем распоряжении полевой материал, который не укладывался в политически одобряемые рамки, а следовать партийному курсу было необходимо. Поэтому их позиция в отношении ясачных весьма противоречива, она представляет столкновение теоретической схемы с практикой. Понимая неоднозначность и непригодность выбора стратегии перехода к земледелию как стандартного пути для всех эвенков, Б. Э. Петри отмечал, что необходимо исследование «форм перехода от оленеводства к скотоводству и земледелию; учет эмпирического опыта тунгусов — положительные и отрицательные стороны перехода» [ГАИО, ф. р-1468, оп. ОЦ, д. 8, л. 66.]. При этом в распоряжении исследователей, сотрудничавших с Комитетом Севера и проводивших статистические обследования эвенков, не было документов инородных управ.

Данное обстоятельство усложнило ситуацию с отнесением аккультурированного населения к тунгусам либо русским, что необходимо было сделать Комитету Севера в преддверии проведения землеустроительной политики среди коренных народов. Охранительная стратегия, стремление соблюсти права на этническое и культурное своеобразие народов, оградить от русских, нарушающих их хозяйственные ареалы, сопровождались противоположными тенденциями. Они заключались в стремлении интегрировать туземцев в народно-хозяйственный комплекс, повысить их культурный и образовательный уровень, избавить от темных предрассудков, «гнета» кулаков и шаманов. Все сказанное изменило подход к определению границ идентичности: что значит «быть тунгусом», определяли внешние, хотя и не сословные, как до революции, но не менее жесткие критерии родства, языка, традиций, проживания. Местное сообщество получило лишь формальное право принимать решения о своей судьбе. Кроме того, основные рамки решений задавались не тунгусами: так, Я. Н. Ходукин, размышляя о проблеме «приобщения кочевников к культуре», предлагал создать на примере деревни Ясачной агитационно-образцовое хозяйство, которое показало бы всем тунгусам преимущества оседлого образа жизни. Тем не менее Комитет Севера принял решение отнести оседлых тунгусов д. Ясачной к русским и признавать ассимиляцию состоявшейся. Земледельческое хозяйство к установлению Советской власти просуществовало в д. Ясачной более 150 лет, а жители приняли христианство на рубеже XVII—XVIII веков. Они постепенно заимствовали мировоззрение русского крестьянства, населив, по Я. Н. Ходукину [Ходукин, 2013], окружающий мир «лясными, соседками, маяками, ведьмами», и поэтому аккультурация и последовав-

шая за ней ассимиляция имели поступательный и необратимый характер. Во многом этому способствовали природные условия: ограниченность доступных пашен и сенокосов, низкое качество почв, климатические риски, с одной стороны, сдерживающие темпы, а с другой — делающие более надежным и прочным, «выстраданным» переход к оседлости.

Выделяются две основные стратегии хозяйственно-культурной адаптации и аккультурации нижеилимских эвенков. Первая, представленная у мобильных охотников-оленоводов, связана с пространственным дистанцированным от русского населения сохранением кочевого ритма освоения угодий, этнической идентичности при билингвизме и относительно формальной христианизации. Эта стратегия выражается в частичном восприятии русских техник пушного промысла, регулярной покупке продовольствия, поддержании с русскими взаимовыгодных отношений покрупы. Вторая стратегия заключается в переходе на русскую земледельческо-промысловую хозяйственную модель с усвоением языка, религии, всей глубины мировоззрения и культурных констант.

Таким образом, нами выявлена зависимость перехода к оседлому хозяйству от локальных природно-ландшафтных условий, микро- и макромасштабных социально-экономических и политических факторов, определены количественные характеристики, которые позволили оценить и земледельческое и оленоводческо-промысловое природопользование эвенков с позиции адаптации к условиям природной и социальной среды.

Источники и принятые сокращения

1. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области*. Ф. 461 — Нижнеилимская инородная управа. Ф.р-1468 — Иркутский уполномоченный комитета содействия малым народностям Сибирского края.
2. *Итоги предварительного подсчета сельскохозяйственной переписи 1917 г. Иркутской губернии*. — Иркутск, 1919. — 485 с.
3. *Материалы Приполярной переписи 1926 / 27 гг. в Сибирском крае*. Выпуск 1. — Красноярск, 1928—1929. — 36 с.
4. *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание 1. — Т. 38, № 29126. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 394—417.
5. *Список населенных мест Сибирского края*. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири / Сиб. краев. исполн. ком., Стат. отд. — Новосибирск : [б. и.], 1929. — 952 с.
6. *Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности* : 34. — Санкт-Петербург : Типография «Народная польза», 1904. — 665 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих // Труды института этнографии. Новая серия. — Москва : Наука, 1960. — Т. 55. — 622 с.

2. *Курьшов А. М.* Эвенки Нижнего Илима в XVII — начале XX века / А. М. Курьшов // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18. — № 4. — С. 693—715.
3. *Ларионов Д. Д.* Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Статистика сельскохозяйственная / Д. Д. Ларионов. — Иркутск : Типография Н. Н. Синицына, 1870. — 380 с.
4. *Миротворцев К. Н.* Иркутские ясачные / К. Н. Миротворцев / Провинциальная наука : этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост. А. А. Сирина. — Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН ; Иркутск : [б. и.], 2013. — С. 169—179.
5. *Петри Б. Э.* Охота и оленеводство у тунгусских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства / Б. Э. Петри. — Иркутск : Тип. изд. «Власть труда», 1930. — 107 с.
6. *Патканов С. К.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири : на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1 : Тунгусы собственно / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург : Тип. «Слово», 1906. — 176 с.
7. *Рагулина М. В.* Традиционные способы жизнеобеспечения эвенков Прибайкалья / М. В. Рагулина // География и природные ресурсы. — 2009. — № 2. — С. 109—116.
8. *Сирина А. А.* Провинциальная наука : этнография в Иркутске в 1920-е годы / Провинциальная наука : этнография в Иркутске в 1920-е годы / А. А. Сирина / сост. А. А. Сирина. — Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН ; Иркутск : [б. и.], 2013. — С. 8—50.
9. *Сирина А. А.* Землеустройство коренных народов в преддверии коллективизации / А. А. Сирина, М. В. Рагулина // Промышленное хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски. — Иркутск : ИГ СО РАН, 2009. — С. 3—14.
10. *Туголуков В. А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. — Москва : Наука, 1985. — 286 с.
11. *Ходукин Я. Н.* Тунгусы реки Коченги / Я. Н. Ходукин / Провинциальная наука : этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост. А. А. Сирина. — Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН ; Иркутск : [б. и.], 2013. — С. 338—362.
12. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркутское областное книжное издательство, 1949. — 596 с.
13. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. II. Илимский край во II—IV четвертях XVIII века / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркутское областное книжное издательство, 1957. — 674 с.
14. *Ngo V. H.* A critical examination of acculturation theories / V. H. Ngo // Critical Social Work. — 2008. — Vol. 9. — №. 1. — Pp. 1—6.

ECONOMIC ACCULTURATION OF LOWER ILM EVENKI: FARMERS AND REINDEER BREEDERS (XVIII — EARLY XX CENTURIES)

© **Milana V. Ragulina (2020)**, orcid.org/0000-0003-4784-296, Doctor of Geography, professor, Department of Geography, Life Safety and Methods, Irkutsk State University; leading researcher, Laboratory of Geological Resources and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography of Siberian Branch RAS (Irkutsk, Russia), milanara@yandex.ru.

The issue of acculturation of the indigenous population of Siberia is considered on the example of the Lower Ilim group of Evenki. The emergence of “yasak villages” is studied as a transitional stage between nomadic nature management and peasant farming. It is shown that the reduction in the number of Lower Ilim Evenki is largely due to their transition to the peasant class, which was not recorded in the documents. Attention is paid to the impact of natural and sociocultural conditions on the transformation of nature management and lifestyle. It was established that the factors of neighborhood and characterized by strip farming living with the Russian population contributed to the borrowing of agriculture only when the natural environment allowed it and there were accompanying circumstances, such as the loss of deer, and the reduced economic potential of the nomadic collective. Two main types of economic acculturation with stability and efficiency have been identified. The acculturation of Lower Ilim Evenki is considered on the basis of archival sources. The novelty of the work consists in the introduction into the scientific circulation of documents that allow you to reconstruct the course of economic and social changes — from the traditional commercial-reindeer herding lifestyle to settled lifestyle and a change in ethnic self-identification. It is noted that the attention to the mixed Evenki-Russian population from the side of researchers of the 1920s was associated with the search for theoretical positions for the transformation of the native economy.

Key words: Evenki; Tungus; settlement; yasak villages; Low Ilim foreign government; roving foreigners; nomadic foreigners; agriculture; reindeer husbandry; identity.

MATERIAL RESOURCES

GAIO — *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti*. F. 461 — Nizhneilimskaya inorodnaya uprava. F.r-1468 — Irkutskiy upolnomochennyy komiteta sodeystviya malym narodnostyam Sibirskogo kraya. (In Russ.).

Itogi predvaritelnogo podscheta selskokhozyaystvennoy perepisi 1917 g. Irkutskoy gubernii. (1919). Irkutsk. (In Russ.).

Materialy Pripolyarnoy perepisi 1926 / 27 gg. V Sibirskom kraye, 1. (1928—1929). Krasnoyarsk. (In Russ.).

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 1, 38 / 29126. (1830). Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 394—417. (In Russ.).

Spisok naseleennykh mest Sibirskogo kraya, 2. Okruga Severo-Vostochnoy Sibiri. (1929). Novosibirsk: [b. i.].

Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh selskokhozyaystvennoy promyshlennosti: 34. (1904). Sankt-Peterburg: Tipografiya «Narodnaya polza». (In Russ.).

REFERENCES

Dolgikh, B. O. (1960). Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII veke. In: *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya, 55*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Khodukin, Ya. N. (2013). Tungusy reki Kochengi. In: Sirina, A. A. (sost.) *Provintsialnaya nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-ye gody*. Moskva: In-t etnologii i antropologii RAN; Irkutsk: [b. i.]. 338—362. (In Russ.).

Kuryshov, A. M. (2017). Evenki Nizhnego Ilima v XVII — nachale XX veke. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya, 18 (4)*: 693—715. (In Russ.).

Larionov, D. D. (1870). *Ocherk ekonomicheskoy statistiki Irkutskoy gubernii. Statistika selskokhozyaystvennaya*. Irkutsk: Tipografiya N. N. Sinityna. (In Russ.).

Mirotvortsev, K. N. (2013). Irkutskiy yasachnyye. In: Sirina, A. A. (sost.) *Provintsialnaya nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-ye gody*. Moskva: In-t etnologii i antropologii RAN; Irkutsk: [b. i.]. 169—179. (In Russ.).

- Ngo, V. H. (2008). A critical examination of acculturation theories. *Critical Social Work*, 9 (1): 1—6.
- Patkanov, S. K. (1906). *Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri: na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov, 1: Tungusy sobstvenno*. Sankt-Peterburg: Slovo. (In Russ.).
- Petri, B. E. (1930). *Okhota i olenevodstvo u tuturskikh tungusov v svyazi s organizatsiyey okhotokhozyaystva*. Irkutsk: Tip. izd. «Vlast' truda». (In Russ.).
- Ragulina, M. V. (2009). Traditsionnyye sposoby zhizneobespecheniya evenkov Pribaykalya. *Geografiya i prirodnyye resursy*, 2: 109—116. (In Russ.).
- Sherstoboyev, V. N. (1949). *Ilimskaya pashnya, I. Pashnya Ilimskogo voyevodstva XVII i nachala XVIII veka*. Irkutsk: Irkutskoye oblastnoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Sherstoboyev, V. N. (1957). *Ilimskaya pashnya, II. Ilimskiy kray vo II—IV chetvertyakh XVIII veka*. Irkutsk: Irkutskoye oblastnoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Sirina, A. A. (2013). Provintsialnaya nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-ye gody. In: Sirina, A. A. (sost.) *Provintsialnaya nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-ye gody*. Moskva: In-t etnologii i antropologii RAN; Irkutsk: [b. i.]. 8—50. (In Russ.).
- Sirina, A. A., Ragulina, M. V. (2009). Zemlestroystvo korennykh narodov v preddverii kollektivizatsii. In: *Promyslovoye khozyaystvo tuzemnogo i russkogo naseleniya v verkhovnyakh Nizhney Tunguski*. Irkutsk: IG SO RAN. 3—14. (In Russ.).
- Tugolukov, V. A. (1985). *Tungusy (evenki i eveny) Sredney i Zapadnoy Sibiri*. Moskva: Nauka. (In Russ.).